

В. Д. РАК

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОШИБКА В РОМАНЕ
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В ходе процесса Дмитрия Карамазова, на стадии допроса экспертов и свидетелей, было допущено нарушение действовавшего в то время Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

В романе говорится: «Медицинская экспертиза тоже не очень помогла подсудимому <...> Экспертами явились — приехавший знаменитый доктор, затем наш доктор Герценштубе и, наконец, молодой врач Варвинский. *Оба последние фигурировали тоже и как просто свидетели, вызванные прокурором*» (X, 334—335). И ниже: «Впрочем, доктор Герценштубе, *спрошенный уже как свидетель*, совершенно неожиданно вдруг послужил в пользу Мите» (X, 337. — Курсив в цитатах наш, — В. Р.).

Содержание показаний для дальнейшего изложения значения не имеет. Важно другое: суд не имел права допрашивать Герценштубе и Варвинского одновременно в качестве экспертов и в качестве свидетелей. Это возбранялось статьей 693 Устава уголовного судопроизводства, гласившей: «Сведущие люди не могут быть избраны из лиц, участвующих в деле или состоящих по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями».¹

Естественно встает вопрос о природе этой ошибки: допустил ли ее писатель невольно, будучи недостаточно искушен в тонкостях уголовного судопроизводства, или же ввел ее в роман намеренно, преследуя определенную цель?

Достоевскому был хорошо известен случай из практики уголовного суда, когда была совершена аналогичная ошибка. Речь идет о деле Е. П. Корниловой, признанной виновной в покушении на жизнь своей шестилетней падчерицы и осужденной на каторжные работы сроком на два года и восемь месяцев с последующим пожизненным поселением в Сибири. В «Дневнике писателя» Корниловой посвящено много страниц. Этот эпизод

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 39, отд. 2. 1864. СПб., 1867, с. 264.

из деятельности Достоевского хорошо известен, но тем не менее здесь целесообразно кратко его напомнить, обратив внимание на детали, которые могут оказаться полезными для истолкования ошибки в «Братьях Карамазовых». Цель обзора — акцентировать *практическое* участие Достоевского в деле Корниловой и доказать, насколько это возможно, что в своих хлопотах он, по-видимому, не мог не познакомиться с содержанием 693 статьи Устава уголовного судопроизводства.

Прочитав отчет о процессе Корниловой² и заподозрив судебную ошибку, Достоевский изложил свои соображения в разделе «Простое, но мудреное дело» первой главы октябрьского номера «Дневника писателя» за 1876 г. Статья кончалась словами: «А неужели нельзя теперь смягчить как-нибудь этот приговор Корниловой? Неужели никак нельзя? Право, тут могла быть ошибка... Ну так вот и мерещится, что ошибка!» (XI, 420). У Достоевского быстро объявился единомышленник и союзник в лице чиновника Министерства юстиции К. И. Масляникова. Под впечатлением от «Дневника писателя» он подал 31 октября Достоевскому письмо, в котором просил его повлиять на осужденной и убедить ее подать прошение о помиловании или смягчении участи. В постскриптуме он предупреждал: «Второпях забыл сказать, что надо торопиться, так как приговор, если не подана кассационная жалоба, должен бы войти в силу 29 октября. После этого <прзб.> приведение его в исполнение, и дело тогда может усложниться».³

Дальнейшее участие Достоевского в деле Корниловой проявляется из его писем к Масляникову от 5 и 21 ноября (II, III, 249—253) и статей в «Дневнике писателя» (декабрь 1876 г., апрель и декабрь 1877 г.).

Достоевский спешит. Тотчас по получении письма он отправляется к прокурору Петербургской судебной палаты Э. Я. Фуксу (как ему советовал Масляников) с просьбой разрешить ему свидание с Корниловой. На следующий день он получает разрешение на несколько свиданий и узнает, что «в настоящее время *нельзя* подавать просьбу, потому что защитник Корниловой два дня назад уже подал на кассацию приговора в Сенат, а потому дело не имеет еще окончательного вида, и только тогда, как Сенат откажет, и наступит срок просьбы на высочайшее имя» (II, III, 249).⁴ Торопиться, следовательно, нет надобности, время уже

² Записки в тетради 1876—1877 гг.: «„Петербургская“ газета». Воскресенье. 17 октября. О мачехе» (см.: Лит. наследство. Т. 83. М., 1971, с. 579). Отчет о деле был напечатан также: Голос, 1876, 18 октября, № 288.

³ Вопросы литературы, 1971, № 9, с. 194. — В тетради 1876—1877 гг. есть запись: «К Масляникову» (Лит. наследство, т. 83, с. 568), сделанная 15 или 16 сентября 1876 г. В комментарии высказывается предположение, что она относится к К. И. Масляникову (там же, с. 648). Но о К. И. Масляникове Достоевский узнал впервые лишь 31 октября из этого письма.

⁴ Ср. в «Дневнике писателя»: «Я еще накануне посещения узнал, что защитник ее, господин Люстиг, подал приговор на кассацию; стало быть, всё же оставалась некоторая, хоть и слабая, надежда» (XI, 479).

позднее — и посещение тюрьмы откладывается. Во время второго визита к Фуксу у Достоевского складывается мнение о том, что Сенат, по-видимому, отклонит кассационную жалобу. Из этого допустимо предположить, что прокурор не только сообщил о ее поступлении, но и мог коснуться хотя бы в общих словах ее содержания.

Первая беседа с Корниловой, состоявшаяся на завтра, длилась двадцать или тридцать минут (XI, 478; ср.: П., III, 250). Достоевский выносит благоприятное впечатление об осужденной и утверждает в правильности своего первоначального предположения о том, что преступление было совершено в состоянии «аффекта беременности». В разговоре заходит речь о кассационной жалобе и прощении: «Я ей не утаил о возможности просьбы на высочайшее имя, если не удастся кассация» (П., III, 250).⁵

Вернувшись домой, Достоевский делает в тетради отрывочные записи о Корниловой и ее муже, а также заносит для памяти адрес защитника.⁶ С последним он, несомненно, предполагает встретиться, чтобы обсудить совместные действия в том случае, если Сенат вынесет отрицательное решение.

Между 5 и 21 ноября Достоевский еще раз посещает Корнилову: «Она просила меня съездить к ее мужу. Я съезжу, но съезжу тоже и к адвокату ее. <...> Боюсь, что пропущу как-нибудь срок кассационного решения Сената. Надо договориться с ее адвокатом, а у меня всё пот времени; но я как-нибудь успею» (П., III, 252). По-прежнему он не питает надежды на удовлетворение кассационной жалобы: «... в Сенате, конечно, решат не в ее пользу, тогда сейчас просьбу на высочайшее имя...» (П., III, 252—253). В промежутке между 21 ноября и концом декабря Достоевский снова видится с Корниловой.⁷

Между тем Масляшников следит за движением дела в Сенате: «... у меня собрался теперь и некоторый пригодный для дела материал», — сообщает он в письме от 2 декабря.⁸ А уже 11 декабря он «с особым удовольствием и радостью» уведомляет писателя о том, что «приговор суда по делу нашей клиентки Корниловой кассирован вследствие нарушения 693 статьи устава уголовного судопроизводства» и поступил на рассмотрение другого отделения суда с участием присяжных заседателей.⁹

⁵ В «Дневнике писателя» о прощении сказано глухо: «Но у меня, кроме того, была еще в голове и некоторая другая надежда, о которой я, впрочем, теперь умолчу, но о которой тогда же, под конец моего посещения, ей сообщил» (XI, 479).

⁶ Лит. наследство, т. 83, с. 588. — Фамилия защитника в публикации указана неверно: вместо «Мостич» следует читать «Люстиг».

⁷ Описав в декабрьском «Дневнике писателя» свое первое посещение Корниловой, Достоевский продолжал: «Раза два я потом опять заходил к ней» (XI, 479).

⁸ Вопросы литературы, 1971, № 9, с. 195.

⁹ Там же.

Имея в виду оказать воздействие на присяжных заседателей, которые будут повторно слушать дело, он просит Достоевского сказать что-нибудь по этому делу в одном из будущих выпусков «Дневника писателя».¹⁰ Писатель, не зная этого замысла, но, возможно, о нем догадываясь, помещает в декабрьском номере пространный рассказ о своих посещениях Корниловой и о своих над нею наблюдениях.¹¹ В том числе он извещает читателей и о решении Сената, выписав почти слово в слово процитированное выше предположение из письма Масляшникова (XI, 480). Однако саму статью он не раскрывает. Следует ли из этого заключить, что он не знает ее содержания? Или, не будучи юристом, не может сам связать ее с делом? Или не считает нужным заострять на ней внимание читателей, поскольку она явно не касается сущности дела?

Прямой ответ на эти вопросы дать невозможно за неимением конкретных свидетельств в пользу того или иного предположения. До 11 декабря Достоевский мог не знать точно содержание кассационной жалобы, хотя с Фуксом у него был о ней разговор. Трудно предположить, что, получив письмо от Масляшникова, он не заинтересовался, что именно говорит статья, оказавшаяся спасительной для дела, в котором он принял столь горячее участие. Это нужно было узнать хотя бы для того, чтобы осмыслить создавшееся положение и оценить шансы на оправдательный приговор.

Впрочем, если писатель и не познакомился с содержанием статьи немедленно, то впоследствии не раз возникали ситуации, когда мог обсуждаться формальный повод отмены Сенатом первоначального приговора.¹² Достоевский, очевидно, продолжал посещать Корнилову;¹³ во всяком случае он был у нее 21 апреля 1877 г., накануне повторного слушания дела (XII, 340). Вполне вероятно, что до этого он когда-то наконец встретился с В. И. Люстигом, и они говорили о деле. Это можно предположить из следующего замечания Достоевского, которое относится к 21 апреля: «Твердых надежд на оправдание не было у нас ни у кого, ни у меня, ни у адвоката. У ней тоже» (XII, 340). 22 апреля Достоевский был в зале суда. 25 апреля к нему домой приезжала Корнилова с мужем. Наконец, и Масляшников был с визитом у Достоевского,

¹⁰ Там же. — О своей скрытой цели Масляшников рассказал впоследствии в своих воспоминаниях (см.: Масляшников К. И. Эпизод из жизни Достоевского. (Материал для биографии). — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, отд. II, с. 108).

¹¹ Этот рассказ многими деталями и в ряде мест почти теми же словами повторяет письмо Достоевского к Масляшникову от 5 ноября.

¹² Этим поводом, как сказано в обнаруженном И. Волгиным решении уголовного кассационного департамента Сената, явился «допрос одного и того же свидетеля и в качестве эксперта, и в качестве свидетеля по одному и тому же делу» (Вопросы литературы, 1971, № 9, с. 195).

¹³ «Бывал же я у нее в остроге ровно по разу в месяц, сживал минут по десять, много четверть часа, не более...» (XII, 339).

который принял его «так трогательно радушно, как бы родного или старинного приятеля».¹⁴ В этой беседе также могли обсуждаться перипетии закончившегося дела, в том числе и казавшаяся ранее безнадежной кассация приговора.

Таким образом, в высшей степени маловероятно, что, находясь в гуще событий, Достоевский оставался в неведении относительно одного из важнейших моментов дела. В этом свете ошибка в «Братьях Карамазовых» представляется умышленной.

Известно, что, работая над последней книгой романа, Достоевский консультировался с юристами.¹⁵ Однако эти консультации, если судить по подготовительным материалам,¹⁶ касались, вероятно, главным образом порядка судебного заседания. Во всяком случае они не предотвратили серьезной ошибки в определении Дмитрию Карамазову срока наказания.¹⁷ Логически напрашивается вывод, что если даже по столь существенному для романа пункту Достоевский обнаружил недостаток юридических знаний, то тем более эта некомпетентность могла проявиться в мелкой процессуальной детали. Но возможно и другое заключение, если учесть, как проникла в роман ошибка, относящаяся к приговору.

Судьба Дмитрия Карамазова определилась не Уложением о наказаниях, а известными Достоевскому сведениями о деле Ильинского.¹⁸ Писатель внес в роман то, что знал из жизни; и, очевидно, поскольку он был убежден в точности своих знаний, он по этому вопросу не стал консультироваться с юристами. Сведения были неточными и привели к ошибке.

Дело Корниловой тоже нашло в романе отражение в эпизоде экспертизы и попытке защиты убедить суд в том, что подсудимый находился в состоянии болезненного аффекта. Итак, и в этой главе романа Достоевский опирается на то, что он знал из жизни. В деле Корниловой была допущена ошибка — аналогичная ошибка появляется и в «Братьях Карамазовых», причем в сцене, подсказанной этим процессом. Могло ли такое совпадение быть случайным? Очевидно, это маловероятно. Как и в первом случае, ошибка приходит из жизни. А для того чтобы ее воспроизвести, нужно было знать детали дела Корниловой и, следовательно, понимать роль, которую в нем сыграла статья 693.

Однако в «Дневнике писателя» Достоевский ни разу не объяснил точного повода, который дал основание Сенату отменить приговор. В апрельском номере 1877 г. говорилось: «Прежний приговор суда, состоявшийся еще в прошлом году, был кассирован

Сенатом за недостаточно произведенной медицинской экспертизой» (XII, 123). В декабрьском номере того же года по этому поводу сказано: «В этом деле мне случилось принять некоторое участие. Председатель суда, а потом и прокурор в самой зале суда объявили публично, что первый обвиняющий Корнилову приговор был отменен именно вследствие пущенной мною в „Дневнике“ мысли, что „не влиало ли на поступок преступницы ее беременное состояние?“» (XII, 326—327. — Курсив в цитатах наш. — В. Р.). Буквальный смысл этих цитат противоречит сформулированному выше выводу. Однако, имея в виду, что Достоевский ставил себе цель вывлечь из дела Корниловой нравственный и социальный урок и преподать его читателям, можно допустить, что он намеренно умолчал о формальном, имевшем узкоспециальное значение поводе к кассированию приговора и привел лишь действительную причину, которая акцентировала сущность допущенной судебной ошибки.

Итак, хотя нет ни одного бесспорного свидетельства тому, что Достоевский допустил юридическую ошибку умышленно, этот вывод представляется в большой степени вероятным.

Если опираться на дело Корниловой, то можно предположить, что, по замыслу писателя, ошибка должна быть связана с кассационной жалобой. Очевидно, она являлась деталью к продолжению «Братьев Карамазовых». Поскольку сведения об этом предполагавшемся романе чрезвычайно скудны,¹⁹ все дальнейшие догадки о роли, которая ей отводилась, будут бессмысленны, тем более что мотив кассационной жалобы мог бы быть использован в разных вариантах. Каков был план Достоевского — остается тайной, ключ к которой навсегда утрачен.

¹⁹ Они суммированы в статье: Белов С. Еще одна версия о продолжении «Братьев Карамазовых». — Вопросы литературы, 1971, № 10, с. 254—255.

¹⁴ Масляпников К. И. Эпизод из жизни Достоевского... с. 109.

¹⁵ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 354—355; ср. письмо Достоевского к Н. А. Любимову от 8 сентября 1880 г. (II, IV, 199).

¹⁶ См.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935, с. 336—340.

¹⁷ См.: Рейзов Б. Г. К истории замысла «Братьев Карамазовых». — В кн.: Рейзов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970, с. 135.

¹⁸ Там же, с. 136; ср.: 4, 284—285.